

К каждому подбирать отмычку. В этом искусство управлять людьми.

Воины в красных доспехах, словно саранча, заполнили Северное Синано.

Некогда независимые кланы покорились могучей силе, клану Такеды. Однако, о полной победе над кланами Синано говорить было преждевременно.

Обычно, после проливных дождей лето выдавалась достаточно знойным. И в этом не было ничего сверхъестественного. Но простой люд не мог свыкнуться с этим.

Под палящим солнцем воины Такеды исходили Северное Синано вдоль и поперек. Хоть клан Санады показал на собственном примере, как нужно проглотить гордость и склониться к ногам победителей; остальные медлили.

Клятвенно заверяя в преданности Такеде Харуне, бывшие соратники Мураками Ёсикие выжидали. Для них клан Такеды был просто возможностью заполучить богатство и земли Мураками. Концентрируя все силы, полководцы Такеды понимали, что если им не удастся одолеть Мураками в эту компанию, то о господстве над Синаной можно забыть...

Но пока никто не мог сказать наверняка, кто выйдет из этой ситуации победителем. Малейшая переменная могла повлиять на чашу весов.

Конечно, простые воины не видели всей картины. В лагере то и дело слышалось недовольные голоса. Собрав такую армию и просиживать возле холма — такого никто не мог понять.

А лагерь тем временем расширялся. Если не считать воинов клана Санады, пришедших вместе с Такедой Нобусиной, то лагерь пополнился новобранцами из клана Сувы.

Принцесса Ю самолично привела около трех тысяч воинов вместе с провизией. Но даже несмотря на это, Харуна не отдавала приказа выступать.

Возле лагеря, вопреки угрозы нападения, каждый день вырисовалась огромная толпа. Не имея средств к существованию, разорённые крестьяне просились на службу к Такеде.

Иногда судьба улыбалась, и десятник забирал с собой выделявшихся отменным здоровьем. Так как активных действий не происходило, их обучали и добавляли уже к имеющимся отрядом асигару.

Подобная участь ждала и Хендо.

Крестьянин Хендо недавно прибил к воинам Такеды. После осады города Тоичи, в его голове закрепилась мысль во чтобы то ни стало стать подручным стратега Канске.

Идя по лагерю в доспехах, он не мог не нарадоваться. В отличие от других, ему крупно повезло.

Увидев лишь раз его среди толпы, стратег определил его к себе. Хендо до сих пор не мог поверить, что носит доспехи самураев. Да, доспехи были не высшего качества и слегка потрепанными, но это ничуть не огорчало его.

А жалованья хватало, чтобы его семья могла просуществовать на новой родине, в Каи. Что и говорить, удача сопутствовала ему. Но как показало время, лишь ненадолго.

В лагере то и дело, до него доходили слухи о его хозяине.

Все были уверены, что на этот раз стратегу не выйти сухим из воды. Люди забыли о его заслугах, предвкушая расправу над ним.

Хоть лорд Такеды запретила остальным находиться поблизости во время суда, отправление на задание лишь друзей стратега наводило на определенные мысли. Легко было понять, что смерть стратега могла вызвать недовольство среди его соратников.

А без Канске, ему, простому крестьянину, будет нелегко сладить с самураями. Многие давно бросают в его сторону хмурые взгляды, и лишь одно имя его хозяина всё это время спасало его.

— Эй, ты! Ты ведь прикормыш стратега? Иди, позови его! Лорд желает лицезреть его пред своими очами, — последнее слова самурай нарочито выделил.

Хендо будто застали врасплох. Мысли его спутались, он чуть было не поклонился самураю и еле удержался от этого. Да, всё верно, он ведь теперь был равным им. И такое поведение могло опозорить не только его, но и хозяина.

— Ты онемел, что ли?!

Грубый смех быстро отрезвил бывшего крестьянина. Сказанные слова самурая услышали все. И по дороге к шатру стратега ему чудилось, что все взгляды были направлены на него. В каждом говоре ему чудилось имя своего господина.

Шатёр стратега выделялся размерами, если сравнивать с другими. Каждый шатёр был размещен по близости к другому. Но возле шатра Канске проросло определенное пространство, люди желали держаться от него подальше.

Сердце Хендо невольно сжалось, его глаза не замечали прежде этого.

Замерев возле входа, он не решался заходить внутрь. Ведь никто не мог сказать наверняка, чем

кончиться этот день для стратега.

— Хендо, они послали тебя?

За пологом стоял Канске, одетый в церемониальное кимоно с гербом клана Такеды. Ни голосом, ни видом стратег не выдавал озабоченность.

— Да. Вас ждут...

От волнения голос Хендо прозвучал хрипло. Канске, подойдя, по дружески хлопнул по плечу бывшего крестьянина и промолвил:

— Не стоит заставлять госпожу ждать. Ну, пойдём, что ли.

Дорога до главного шатра заняла не долго времени. Весь путь Хендо старался держаться на шаг позади стратега.

Воины в лагере, видя их, провожали взглядами. Стоило им отдалиться на несколько шагов, как за их спинами уже всюду судачили.

Если же Хендо негодовал от поведение воинов, то Канске не обращал на них внимания. Пытаясь понять отчего стратег не терял присутствия духа, Хендо невольно пришел к выводу, что Канске уже свыкнулся с неизбежным и старался сохранить лицо перед кончиной.

Это открытие ошеломило его.

Ему всегда казалось, что в смертный час таких необычных людей сама природа должна преобразовать, бросая молнии и ревя ветрами. Но ничего подобного не наблюдалось. Небо было ясным, и не предвещало никаких изменений.

Миру было всё равно, кто умрет в этот день, а кто — нет. И от этого на сердце становилось грустно.

— Хендо, здесь нам с тобой придётся распрощаться.

Загруженный невеселыми мыслями, бывший крестьянин не заметил, как они подошли к шатру лорда. Возле входа невозмутимо стояли охранные самураи.

— Я буду ждать Вас здесь...

— Ну что ж, воля твоя, — хоть стратег пытался сказать эти слова отдалённо, его все же задела

преданность новоявленного самурая.

Последнее время Канске старался держаться подальше от людей, от чужих глаз. Ему казалось, что он окружён одними врагами, которые скалились смотря на него.

Сегодня возле шатра Харуны не было представителей других кланов. Но не от того, что они пожалели его. Вовсе нет, эти стервятники уже долгое время выются возле лорда, кланча для своих родов продвижение по службе.

Последний раз бросив взгляд на лагерь и одобрительно улыбнувшись, ожидающему его Хендо, Канске вошёл в шатер.

Внутри было сумрачно и прохладно. Такой контраст сразу бросался в глаза, так как за шатром всё было иначе.

Заметив Харуну, сидящую на возвышенном месте, парень быстро уселся напротив. Девушка лениво наблюдала за ним, оперев руку на подлокотник. На ней была надета легкая накидка, еле скрывавшая фигуру.

Что и говорить, за последний год Харуна сильно изменилась. Канске невольно усмехнулся. Сколько раз он представлял их первую встречу, прорисовывал каждый момент, каждое слово. Но реальность, как всегда, была красочной и совершенно другой, нежели ожидание.

— Забавно штука жизнь, не правда ли?..

За этими словами скрывалась многое. Никто из них не мог предположить, что судьба выкинет подобный трюк.

Вопрос Харуны не требовал ответа. В этом не было нужды, и стратег лишь молча кивнул, подтверждая.

— Ты знаешь, что тебя ждет?

Голос девушки был сух. В нём не было и тени эмоции.

— Да.

— Просвети же меня...

— За поражение в битве при Уедахара и за временное присоединение к врагам, я должен совершить сеппуку.

Канске мог обмануть любого, но только не Харуну.

Под городом Тоичи погибло немало воинов Такеды. Их кровь и смерть генералов Амари и Итагаки всё ещё тяжким грузом висели на его шее. Ведь должность стратега, как и любая другая, была не только возможностью и привилегией, но, также, огромной ответственностью...

— Продолжай.

По велению госпожи, Канске продолжил излагать своё видения событий. Девушка слушала в пол уха, сказанные слова стратега не открыли ей ничего нового.

— Всё верно. Я отправила твоих вассалов подальше, чтобы пресечь смуту. Я также не приглашала тебя к себе лишь потому, что не хотела видеть тебя...

Девушка говорила чистую правду. С того дня, как Канске прибыл в лагерь прошло немало времени. Каждый раз Харуна находила в себе силы, чтобы побороть желание. Она желала и в то же время боялась встречи с Канске. Эта слабость могла отразиться на её пути, на пути становления лордом.

Встав на ноги, Харуна не спеша подошла к парню.

— Честь самурая требует от тебя совершение сеппуку. Но я могу спасти тебя. Тебе лишь стоит попросить...

На последнем слове, Харуна присела перед парнем. Лишь теперь, эти двое могли полностью рассмотреть друг друга.

Пока Канске обдумывал что сказать, девушка рассматривала его лицо. Первое, на что обратила внимание Харуна, это глаза парня. Они были выразительными и широкими, если сравнивать с глазами жителями Каи. В полутьме его глаза казались абсолютно черными. Легкая щетина и беспорядочно сложенные в хвостик волосы так отличались от его прежнего облика. То ли из-за щетины, то ли из-за седых волос девушка вдруг поняла, что парень стал выглядеть старше.

Окинув его взглядом, она пришла к выводу, что дело было скорее в его манере держаться. От него исходила уверенность, словно он возмужал.

Прежде, он казался человеком легкомысленным и не знавшим, что такое тяжелый труд.

— Ты хочешь, чтобы я просил тебя даровать мне жизнь?

— Да.

— Думаю, лучше не затягивать с сеппуку. Я буду признателен, если ты будешь моим ассистентом и отрубишь мне голову. Признаться, я боюсь, что другой умышленно продлит мне агонию...

Опасение Канске были не напрасны. Многие могли намеренно воспользоваться ситуацией, чтобы отыграться за прошлые обиды.

— Ты меня неправильно понял, Канске. Я не испытываю тебя...

На самом деле Харуне было любопытно узнать, на что парень был готов ради спасения. В прошлом, она не задумываясь, испытала бы парня в подобном случае. Ей было бы неприятно, находится с тем, кто так любит жить. Ведь такие люди вполне могли предать в будущем.

Но, потеряв однажды стратега, девушка поняла, насколько он был ей дорог. Видя, как Канске отказывается от спасения, девушка смутно догадывалась, что парень всё ещё видел подвох в её словах.

— Ты ведь думаешь спастись, выбрав смерть. Канске, ты действительно неисправим.

Харуна рассмеялась громко, чуть ли не схватившись за живот. Канске, не отрывая глаз, смотрел на неё.

— Что ты так смотришь?

— Прости. Я уже начал забывать твой смех...

Было в словах парня что-то, что смутило девушку, и она поспешила вставить:

— Так каким же будет твой ответ?

— Честно сказать я не понимаю, зачем тебе это. Но, пожалуй, откажусь. Я бы мог, ползая на животе, выпросить спасение, но, после, ты на вряд ли будешь меня уважать...

Говоря это, парень сжал край кимоно. Там была спрятана настойка яда внутри амулета удачи.

Стратег и не мог предположить, что он буквально попал пальцем в небо. Девушка уже приняла свои чувства, но инстинктивно она пыталась отделаться от этой слабости. Харуна ещё не осознала, но стремление лишить его уважения в своих глазах было не чем иным, как последней попыткой ослабить зарождающиеся чувства.

Ответ парня понравился лорду. Сомнения ушли, и девушка знала, как должна была поступить.

— Слушай мой приговор и приказ, Канске. Ты должен жить...

Проговорив это, Харуна ощутила, словно огромная тяжесть была скинута с плеч. Но к её удивлению, парень не выражал благодарность.

— Ты уверена, Харуна? Ведь вассалы могут не понять...

— О них не беспокойся. Но наш с тобой разговор, и, в частности, мой приказ ты никому не должен разглашать.

Лишь после этого, Канске тяжело выдохнул. Напряженность ушла, и он чуть было не рухнул на пол.

— Я могу ошибаться, но мне кажется, что ты кое-чего не понимаешь, Канске. Для всех ты теперь станешь бесчестным самураем. Можешь забыть про уважение и почёт.

— Харуна, прости что перебиваю. Но меня и раньше никто из твоих вассалов не любил...

— Всё так. Но среди них были ведь и те, которые были на твоей стороне. Не только ты, но и твои соратники ощутят отчуждение. На самом деле, я не должна была просить тебя об этом. Ты может ещё не осознаешь, но для мира самураев ты, Канске Харуюки, умер в этот день. Обдумай мои слова и ответь мне, что ты выберешь, жизнь мертвеца или благородную смерть?

В стане самураев сеппуку, в основном, применялось в двух случаях. В первом случае, служивый совершал его от понесённого позора. Во втором же, самурай получал приказ от лорда умертвить себя.

Традиция требовала от стратега совершения сеппуку. Приняв предложение Харуны, Канске терял правильное время, время смерти. Каждый благородный человек обоснованно мог его обвинить в бесчестье. Даже соверши он сеппуку после прошедшего времени, обществом оно не будет принято. Каждый скажет о нём как-то так: «Собаке — собачья смерть».

— Зачем тебе моя жизнь? Став живым мертвецом, какую пользу я могу тебе принести?

— Канске, неужели ты не понял?! Мы захватим с тобой всю поднебесную, и люди забудут о твоём позоре. Победители пишут историю, так что потомки запомнят тебя в лучшем свете.

На миг в глазах девушки засверкали огни. Хрупкая мысль об объединении страны стала некой идеей, целью...

— Традиции, Канске, не всегда должны быть соблюдены. В некоторых случаях они сковывают, ограничивают. Мир не стоит на месте, вот что я выучила в последней битве с кланом

Мураками...

Харуна пресекла нахлынувший порыв. Она хотела сказать, что всё это ради стирания границ, ради того, чтобы они, наконец, стали равными. Ведь великий союз может возникнуть лишь среди равных...

Прими Канске предложение девушки, как давний страх в тот же час растворится. Харуна не желала признавать себе, но она боялась не за жизнь парня, а за то, что он предпочтет служить другим великим кланам. Эта мысль не давала ей покоя, терзая её столь долгое время.

Для девушки было предпочтительней смерть парня, нежели предательство. А после предложения, стратегу просто не удастся примкнуть к другим...

Обдумывая всё это, девушка невольно вздрогнула. Её пугали те открытия в себе, на что она была готова пойти ради своих чувств.

— Я последую твоему приказу...

— Ты уверен?

— Да. Мне не важно, что оно принесет, дар или проклятие...

— Что ж, тогда мы скоро выступаем против Мураками. Но сперва нам придётся закончить с внутренним вопросом, с кланом Ямагата.

Стратег знал, что небольшой клан Ямагата, кичащийся о родословной больше, чем о деле клана, в последнее время начал активно доставать Харуну. Все претензии клан Ямагата сводил на Канске. Он не мог предположить в что вольётся всё это, когда не особо думая, назвался ложным именем Ямагата в Синано.

От парня не ускользнуло, как девушка выделила слово «мы».

— Ты уже наметила план действий?

— Да. Тебе придётся принять активное участие. Остальное услышишь после, а пока могу сказать лишь это. Раз ты не сможешь более завоевать уважение самураев, то тебе придётся пойти другим путем...

Канске догадался, о каком пути говорила Харуна.

— Ты хочешь воплотить в жизнь все эти бредни, гуляющие обо мне?

— Да. Кто бы мог подумать, что тебе придётся играть роль, придуманную крестьянами, — заливаясь смехом, проговорила Харуна.

Последние слухи о парне красочно рисовали его, чуть ли не упырем-кровопийцей, за которым стоял зловещий бог войны, Хатиман.

В отличие от других Харуна знала, каким был Канске на самом деле. И это всё больше веселило её.

— Рад, что хоть одному из нас весело, — чуть ли не угрюмо добавил Канске.

— Да брось ты! Тебе нечего жаловаться, ведь сохранил же свою голову. К тому же, тебе ничего не остается, кроме как внушать людям страх. Если, конечно, хочешь добиться от них поставленных задач.

Атмосфера хозяина и слуги исчезла, и в шатре сидели два друга, не больше и не меньше. Канске снова поразился, насколько Харуна была живой. Она явно была наделена талантом, ведь как иначе серьезный вопрос о сеппуку перерос в посиделки давно невидевшихся друзей?

— Эй, там. Позовите за Харой!

Хара Масатане был секретарём при Харуне.

— Зачем ты послала за ним? — недоумевал Канске.

— Я подумала, что будет неудобно посылать за саке охранных самураев...

— Ты ведь шутишь, да?

— Вовсе нет. Нам с тобой надо о многом поговорить. Расскажешь мне как проводил время, ну и я тоже поделюсь...

Увидев, как возле входа возник Хара, Харуна чуть ли не крикнула ему:

— Масатане, а ну метнулся за саке!

Лицо Хары Масатане было выразительнее любых слов. Провожая удаляющегося парня взглядом, Канске, тяжело выдохнув, сказал:

— Я уже начинаю жалеть о своём выборе...

Кончено, всё было сказано шутя, и они оба рассмеялись на это.

Парень понимал, что подобным образом, Харуна пыталась снять стресс накопившийся за последнее время. Ведь она всё ещё была хрупкой девушкой, на плечах которой висела тяжелая ответственность за судьбу её людей.

Глядя на неё, Канске изумлялся стойкости её духа. Он не знал, что придаёт девушке столько сил, но знал наверняка, что не хотел бы с ней поменяться местами...

<http://tl.rulate.ru/book/1262/25107>